

менты, эклектически их объединяя, — ее слабость⁵. «Когда утверждают, что подлежащее выражает субъект, то используют термин из того ряда, члены которого отображают структуру мыслительного процесса. Когда утверждают, что подлежащее обозначает деятеля, то используют термин из того ряда, члены которого отображают сегментацию действительности»⁶.

Воспринимаемая отражения обоих планов, экран членов предложения преломляет их, нарушая и искажая прямые связи между планами (это, конечно, не означает, что связи могут быть только прямыми, взаимно-однозначными). Но главная беда в том, что для многих лингвистов этот экран подменяет собой языковую реальность, они воспринимают строение предложения не прямо, а только через этот экран, упуская из виду расстояние между «экраном» как несовершенным конструктом лингвистической мысли и самим объектом изучения.

Обратившись к проблеме соотношения синтаксиса и семантики, многие синтаксисты соотносят не план содержания и план выражения, не семантические категории и языковые средства их оформления, а план содержания — с «экраном» членов предложения, и план выражения — опять с тем же «экраном». Преломляющее же, сдвигающее свойство экрана создает впечатление несоответствия формы и выражения в языке. Если подлежащее имеет в одном случае значение производителя действия, а в другом — объекта действия (*Министры подписывают договор — Договор подписывается министрами*), если имя субъекта действия или состояния в одном случае оказывается подлежащим, а в другом дополнением (*Брат работает — Брату нездоровится*), о каком же соответствии содержания и выражения можно говорить? Отсюда делается вывод, что семантический и синтаксический планы параллельны и взаимно независимы⁷.

«Разделение и противопоставление» планов синтаксического и семантического рассматривается как «фундаментальное достижение современной синтаксической науки»⁸. Ставя во главу синтаксической теории тезис об асимметричности языкового знака, Н. Ю. Шведова, один из наиболее реалистичных современных синтаксистов, настаивает на принципиальной асимметричности всех синтаксических отношений, почему-то настроиваясь против явлений симметризма. Защита асимметризма и логически небезупречно. Вступление к названному докладу содержит несколько противоречий:

1) «Подход к предложению как к единице с симметричным соотношением внешнего и внутреннего строения» представляется как безвозвратно ушедший «в прошлое», но такой подход собственно и не разработан никем, да и вряд ли возможен.

2) Если признавать, что формальная и содержательная стороны предложения «в языковой реальности нерасчленимы» (с. 450), правильно ли видеть фундаментальное достижение в «разделении и противопоставлении» этих сторон? Может быть, мы подошли бы ближе к языковой реальности, если бы и в описаниях ее нашли адекватные способы представить

⁵ Смешение в понятиях членов предложения двух терминологических рядов, отображающих сегментацию мыслительного процесса и сегментацию действительности, было справедливо отмечено Н. И. Мигириной, хотя ее распределение значений между этими рядами бесспорно (см. *Мигирин Н. И. Принципы описания членов предложения и их смешение в учебных пособиях по русскому языку.* — В кн.: Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973).

⁶ Там же, с. 65.

⁷ Так, например, развивая идею А. А. Холодовича, Г. Г. Сильницкий утверждает, что «синтаксические и семантические позиции предложения представляют собой два автономных ряда единиц, каждый из которых должен исследоваться в его собственной логической перспективе» (см. *Сильницкий Г. Г. Синтаксические типы предикативных позиций.* — В кн.: Диатезы и залог. Л., 1975, с. 58).

⁸ *Шведова Н. Ю. Дихотомия «присловные — неприсловные надежды» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения.* — В кн.: VIII Международный съезд славистов. Славянское языковедение. М., 1978, с. 450.